

Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки.

(Къ исторіи сказаній о невѣрной женѣ).

Содержаніе: Пѣсни о гостѣ Терентіи. Несостоятельность историко-бытового комментарія. Сказки бѣлорусская, великорусскія и малорусскія на мотивы о гостѣ Терентіи. «Москаль—чаривныкъ» И. П. Котляревскаго. Сказки польскія, французская и италіанская. Сказки изъ Месопотаміи и Индіи. Обзоръ главныхъ мотивовъ пѣсни о Терентіи и родственниковъ ей сказокъ. Сходные мотивы въ старинныхъ странствующихъ повѣстяхъ. Замѣтки о дубочныхъ картинахъ съ сюжетомъ о невѣрной женѣ.

Пѣсня о гостѣ Терентіи давно уже извѣстна по сборнику Кирши и Данилова (полное изданіе 1818 г.). Въ 1863 г. она была перепечатана въ V вып. „Пѣсенъ“ Кирѣевскаго. Варіантъ этой пѣсни „Терентій мужъ Данильевичъ“ напечатанъ въ III т. „Пѣсенъ“ Рыбникова (1864 г.). Всѣ извѣстные въ печати варіанты записаны на сѣверѣ, въ Олонецкой губерніи. Содержаніе пѣсни таково:

Жилъ былъ Терентій мужъ,

Жилъ былъ Данильевичъ...

Далѣе у Кирши Данилова отмѣчено, что онъ жилъ въ Новгородѣ, и подробно обрисованъ богатый его дворъ и домъ.

У него сдѣлалась невзгода великая:

Сдѣлалась жена трудна-больна....

Жена посылаетъ Терентія за врачами:

Ты поди дохтуровъ добывай,

Волхи-то спрашивати (Кирѣев., V, 55).

Поищи молодыхъ скомороховъ,

Молодцовъ поученныхъ,

Чтобы меня молоду вылѣчили (Рыбн., III, 252).

Терентій пошелъ за докторами, встрѣтилъ скомороховъ, разсказалъ имъ о болѣзни жены. Скоморохи берутся вылѣчить его жену. По требованію скомороховъ, Терентій поку-

пасть большой шелковый мѣхъ, червленый вязъ и дубину ременчатую со свинцомъ на концѣ. Скоморохи посадили Терентія въ мѣхъ и пошли къ его двору. Жена Терентія, увидѣвъ скомороховъ, „кинулась въ окошечко въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса“ и стала разспрашивать, не видали ли скоморохи Терентія. Скоморохи сказали, что они видѣли его мертвого: „сквозь бѣло тѣло трава проросла“. Жена была обрадована такой вѣстью и приказала скоморохамъ запѣть веселую пѣсню и поиграть на гусяхъ.

Они стали въ гуселышка поигрывать

И къ мѣшку приговаривать:

—„Слышишь ли, холстинской мѣхъ?

Тебя не позаочь бранять, а въ очи говорятъ“ (*Рыбн*, III, 254)

А слушай, Терентій гость, что про тебя говорятъ!

Говорить молодая жена Авдотья Ивановна

Про стара мужа Терентьища:

—„Бъ дому бы тебя вѣкъ не видать!“

Шевелись, шелковый мѣхъ, вставай-ка, Терентьище,

Лѣчить молодую жену! (*Кирѣев*, V, 59).

Терентій вылѣзъ изъ мѣха, нашелъ на постели „молодца въ рубахѣ красная“ и сталъ жену и любовника ея „окладывать гирей безмѣнной и недуги выправливать“ (*Рыбн*.). Молодецъ бѣжалъ, оставивъ въ домѣ Терентія кафтанъ, камзолъ и 500 руб. денегъ. Терентій заплатилъ скоморохамъ 200 руб. „за правду великую“ (*Кирѣев*.).

Пѣсня о Терентіи во всѣхъ вариантахъ имѣетъ выдержанный пѣсенный складъ.

Г. Безсоновъ въ большой замѣткѣ о гостѣ Терентьищѣ, въ V вып. „Пѣсенъ“ Кирѣевскаго (на стр. LXXXII—LXXXVI), говоритъ: „въ связи съ былинами о Садкѣ мы должны рассмотреть пѣсню о Терентьищѣ“. Заявленіе довольно странное, въ виду полного отсутствія какихъ-либо общихъ чертъ въ этихъ произведеніяхъ. Автора соблазнило собственное имя Новгорода въ вариантѣ Кирши Данилова и затѣмъ названіе Терентія гостемъ. По мнѣнію г. Безсонова, пѣсня о Терентіи „проткана цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній“. Исходя изъ такой точки зрѣнія, г. Безсоновъ находитъ возмож-

нымъ подробно трактовать о любви новгородца къ женщицѣ, причемъ новгородецъ оказывается „единственнымъ на Руси второобразомъ типа лаконскаго и дорическаго“ (!). Не подозревая существованія мотивовъ пѣсни о гостѣ Терентицѣ въ другихъ мѣстахъ, внѣ сѣверно-русскаго края, г. Безсоновъ всю силу творчества приписалъ древнимъ новгородцамъ. Онъ видитъ здѣсь „сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой (!) семьѣ русскаго купечества, „и прибавляетъ, что „погребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую былевую пѣсню, такъ точно, какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго“. (Безсоновъ, LXXXIV).

Всѣ эти разсужденія и выводы оказываются вполнѣ несостоятельными при первомъ прикосновеніи къ нимъ критики. За исключеніемъ двухъ собственныхъ имевъ (Новгородъ и улица Юрьевская) въ пѣснѣ о гостѣ Терентицѣ, нѣтъ ничего новгородскаго. По основнымъ мотивамъ, по всему ходу изложенія ихъ, даже по стихотворной формѣ пѣсни о гостѣ Терентіи представляетъ странствующую повѣсть, которая возникла, повидимому, на Востокѣ, быть можетъ, на индійской почвѣ, и затѣмъ проникла въ письменность и устную словесность многихъ западно-европейскихъ народовъ. Пѣсня-повѣсть о гостѣ Терентіи входитъ въ чрезвычайно сложный и вѣтвистый циклъ сказаній о невѣрной женѣ. Эта повѣсть и родственныя ей сказки составляютъ такую вѣтвь, которая переплетается въ отдѣльныхъ мотивахъ съ двумя вѣтвями того же цикла. Чтобы не отклоняться далеко въ сторону отъ предмета изслѣдованія, мы здѣсь ограничиваемся подборомъ русскихъ и инородныхъ сказокъ по главнымъ основнымъ мотивамъ пѣсни о гостѣ Терентіи.

Къ пѣснѣ о Терентіи весьма близко стоитъ сказка о скоморохѣ, недавно записанная въ Смоленской губерніи. Жена привела любовника, притворяется больной и посылаетъ мужа за зельемъ, однимъ, другимъ, потомъ посылаетъ за медвѣжьимъ молокомъ. Сосѣдъ говоритъ мужу: „У мяне начуить старецъ са скрипкою, а ина (т. е. невѣрная жена) такихъ людей ищетъ“. Скоморохъ посадилъ мужа въ мѣшокъ, заткнулъ

его соломой, пошелъ къ женѣ обманутаго мужа и упросилъ ее дать ночлегъ. У жены оказываются „гости, бясѣда“. Она пустила въ избу скомороха и просила его поиграть на скрипкѣ. Скоморохъ играетъ, а она скачетъ и приговариваетъ:

Хто па яблычки пашоў,

Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!..

Скоморохъ запѣлъ:

Ти чуишь ты, салома,

Ти видишь ты, салома,

А што дѣится дома?

Мужъ вылѣзъ изъ мѣшка, прибилъ сначала любовника, потомъ жену; „такъ атхадилъ жонку мужикъ, што и пасичасъ ища здорова“. (*Добровольскій, Смоленскій Этнографическій Сборникъ, I, 143*).

Во многихъ великорусскихъ сказкахъ повторяется повѣсть о гостѣ Терентіи, съ перенесеніемъ всего дѣйствія въ крестьянскую среду. Такъ, въ Курской губерніи записана слѣдующая сказка: Жили мужъ и жена; уйдетъ мужъ, она весела, прійдетъ—захвораетъ; такъ и старается выпроводить его изъ дома, а безъ него у нея гулюшки, пирушки. Придетъ мужъ—все прибрано, а сама охаетъ, больна на лавочкѣ лежитъ. Мужъ вѣритъ, чуть самъ не плачетъ. Жена посылаетъ мужа за лѣкарствомъ въ Крымъ-градъ. Мужъ пошелъ, встрѣтилъ солдата, который взялся вылѣчить жену. Солдатъ оставилъ мужа на гумнѣ и пошелъ провѣдать хворую. Оказалось, что жена пляшетъ, а передъ нею молодой парень въ присядку разсыпается; по столу зелено вино разливается. Пришелъ солдатъ во время, выпилъ чарку и пошелъ въ присядку. Жена собираетъ печь пироги и посылаетъ солдата на гумно за соломой. Солдатъ принесъ въ солому мужа. Хозяйка затянула пѣсенку: „Пошелъ мужъ въ Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животъ лѣчить! Туда ему не доѣхать и оттуда ему не пріѣхать!.. Солдатъ, подтягивай мнѣ!“.. Солдатъ началъ свою пѣсню: „Чуешь ли, солома, что дѣется дома? Плеть виситъ на стѣнѣ, а быть ей на спинѣ!“ Солома почувяла, затряслась; веревка лопнула, выскочилъ мужъ и давай стегать плеткой хозяйку—вылѣчилъ жену (*Аванасьевъ, Нар. рус. сказки, III, 455*).

Въ вариантѣ этой сказки (также изъ Курской губ.), любовно сообщенномъ мнѣ г. Халанскимъ, любовная исторія повторяется почти дословно, съ тѣмъ незначительнымъ различіемъ, что невѣрная жена посылаетъ мужа въ Римъ-градъ и гостить у ней не мужикъ, а попъ.

Въ малорусской сказкѣ изъ Кіевского уѣзда: „Бувъ соби чоловикъ и все его жинка слабовала, а вона любила съ попомъ,, а свого чоловика не любила; все казала, що все слаба, а якъ піде чоловикъ на панщину, то вона наварить, напече и съ попомъ з'ѣсть и вып'є“... Мужъ пришелъ съ панщины; жена притворяется больной и посылаетъ его къ знахарю, чтобы досталъ „чемерицы“. Мужъ не могъ этого сдѣлать. Затѣмъ жена посылаетъ его къ рѣчкѣ спечь на льду для нея коржикъ. Мужъ и этого не могъ исполнить. Наконецъ, жена посылаетъ его достать корень татарскаго зелья. Мужъ идетъ и плачетъ. На дорогѣ онъ рассказываетъ неизвѣстному челоуѣку три порученія жены. Послѣдній сажаетъ мужа въ куль очерета, несетъ куль въ домъ обманутаго мужа и просится на ночлегъ. Невѣрная жена его впускаетъ въ хату, вмѣстѣ съ кулемъ, въ которомъ, по словамъ прохожаго, спрятано стекло. Въ хатѣ „стилъ застеляный, попъ сидѣть, горилка стоить, порося печене“. Жена потчуетъ прохожаго водкой и просить его спѣть пѣсню. Прохожій поетъ: „Дивыся, соломо, що робыця дома; возьмы ты макогинъ, та за попомъ на-здогинь!“ Женѣ пѣсня не понравилась; она ударила макогономъ по кулю, чтобы побить стекло. Изъ куля вылѣзъ ея мужъ, попа прибилъ, а прохожему далъ „кожугъ, чоботы, свytu, поясъ и рукавыци, що выличивъ жинку его“ (Рудченко. Народ. южнор. сказки, I, № 60).

Мотивъ о попѣ вставной; вошелъ онъ сюда изъ цикла сказокъ о попѣ и работникѣ (см. Рудченко, ib. № 61; Чубинскій, II № 39; Манжура, 91; нѣсколько сказокъ въ Крпѣдіа, т. I).

Мужъ обходится безъ посредниковъ въ другой малорусской сказкѣ. Замѣтивъ, что къ женѣ пришелъ „казакъ“, мужъ поспѣшилъ домой. Жена спрятала казака въ комору. Мужъ вошелъ въ хату, замкнулъ двери въ коморѣ, и сталъ пѣть:

Ой внадывся котыкъ
 До моего сала;
 Доты его носывъ,
 Доки стало.
 Вже чоловикъ уважае
 Що вже сало упадае....

Що ты, коте, робышь,
 Що дви нози маешь
 И до жинки такъ учащаешь?
 Ой не ходы по-затынку,
 Не пидмовляй чужу жинку.
 Щожъ теперь думаешь,
 Шо въ рукахъ дистаешь?

А казакъ изъ коморы:

На молебень хочу даты,
 Въ твоеи жинки не буваты.“

Мужъ повѣрилъ и выпустилъ его. Тогда казакъ запѣлъ:
 Слава тобі, Боже, Принадочку минни дала,
 Шо ся вырвавъ зъ хаты! И ще минни такъ сказала:
 Якимъ бувавъ перше, Прибувай, миленькій,
 Такъ буду буваты Минни молоденькій.

Въ отвѣтъ па эту пѣсню мужъ запѣлъ:

Якъ я жъ тебе спійму,
 Шкуру зъ тебе здыйму,
 На банта повишу,
 На ходаки порижу (Чубин. II, № 38).

Эта малорусская сказка почти совсѣмъ перешла въ пѣсню, и въ этомъ отношеніи она болѣе другихъ народныхъ сказокъ о невѣрной женѣ напоминаетъ пѣсню о Терентіи.

На народной сказкѣ разбираемаго мотива построена комедія И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ.“ Здѣсь жена казака склоняется въ отсутствіи мужа на сторону писаря. Является солдатъ и замѣчаетъ, гдѣ хозяйка спрятала колбасу, жаркое и водку. Пріѣзжаетъ мужъ. Жена прячетъ писаря подъ печку. Солдатъ выдаетъ себя за колдуна и указываетъ мужу на колбасу, жаркое и водку, потомъ выводитъ изъ-подъ печки писаря, выдавая его за чорта. Мужъ въ страхѣ. Жена объясняетъ всю мистификацію. Солдатъ говоритъ мужу въ пользу жены. Писарь проситъ прощенія, и его выгоняютъ изъ дома.

Мотивъ о невѣрной женѣ вошелъ въ польскую сказку о трехъ братьяхъ (двухъ умныхъ и третьемъ глупомъ). Меньшій, глупый братъ снялъ шкуру съ коровы и въ видѣ нищаго помѣстился на ночлегъ въ одной корчмѣ. Шинкаря не было

дома. Глупый съ чердака наблюдалъ, что дѣлается въ домѣ. Жена корчмаря приняла въ гости ксендза. Она поставила передъ нимъ вино, медъ, жаркое, сладкія лакомства. Но вотъ неожиданно во дворъ вѣхалъ шинкаръ. Ксендзъ прячется въ коморѣ сначала въ бочкѣ съ дегтемъ, потомъ въ бочкѣ съ перьями. Все угощеніе было попрятано. Когда шинкаръ расположился ночевать, то ночлежникъ застучалъ палкой въ шкуру и сказалъ: „шкура, что ты мнѣ говоришь?“ Шинкаръ удивился, что ночлежникъ разговариваетъ съ коровьей кожей, и спросилъ, что сказала ему кожа. Ночлежникъ отвѣтилъ, что кожа сказала, что въ шкафу есть сладкое. Шинкаръ идетъ къ шкафу и находитъ тамъ медъ, вино и сласти. Во второй разъ слѣдуетъ указаніе на печь, гдѣ было скрыто жаркое, въ третій—на комору. Ксендзъ убѣгаетъ черный, какъ чортъ, и шинкаръ покупаетъ за дорогую цѣну кожу (Chelchowski—Powiesci, I, 90—91). Тотъ же рассказъ повторяется въ польской сказкѣ о королевичѣ, не знавшемъ бѣды. Тутъ ксендзъ прячется подъ печью, гдѣ лежалъ королевичъ. Королевичъ беретъ у него платье. Пани, скрывшая ксендза, отъ страха заболѣла. Королевичъ беретъ ее вылѣчить. Онъ лѣтитъ подъ печь горячую воду и изгоняетъ оттуда голаго ксендза, котораго принимаютъ за демона болѣзни (Samiec, собственно „гостецъ“, у малоруссовъ—колтунъ) (ib., 257).

Къ польской сказкѣ о глумѣ и коровьей кожѣ близко подходитъ французская сказка (изъ Лотарингіи) о вѣронѣ: Дѣвочка не хочетъ учиться въ школѣ. Она бѣжитъ изъ дома родителей, захвативъ съ собой говорящаго ворона. Въ одномъ домѣ она подсматриваетъ въ дверную щель и узнаетъ о невѣрности жены. Когда мужъ возвратился, то дѣвочка предложила ему купить у нея ворона, какъ птицу вѣщую. При этомъ дѣвочка бьетъ ворона; воронъ каркаетъ, и дѣвочка объясняетъ его крикъ такимъ образомъ, что въ томъ мѣстѣ скрыты кушанья и вино, приготовленные невѣрной женой для любовника, а въ сосѣдней комнатѣ скрылся любовникъ. Мужъ покупаетъ ворона за дорогую цѣну (Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 229). Въ вариантѣ этой сказки, записанномъ также въ Лотарингіи, любовника нѣтъ. Жена прячетъ отъ мужа пирогъ и бутылку вина. Нищій, выдававшій

себя за глухо-нѣмого, рассказываетъ пріѣхавшему мужу, гдѣ спрятаны кушанья. Этотъ эпизодъ (безъ любовника) повторяется въ италіанской и нѣмецкой сказкахъ и въ Пентамеронѣ Вазили XVII вѣка (*Cosquin*, ib. II, 329). Сюда примыкаетъ польская сказка о двухъ кумовьяхъ (*Chelchowski*, I, 269).

Въ италіанской сказкѣ жена рыбака въ отсутствіи мужа весело проводитъ время съ любовникомъ. Любовникъ принесъ съ собой зайца, сыру и бутылку вина. На дворѣ поднялась буря. Прохожій (*vieux bonhomme*) проситъ пустить на ночлегъ. Его впускаютъ, но съ условіемъ, не передавать никому о томъ, что онъ увидитъ или услышитъ въ домѣ. Вскорѣ постучался въ двери мужъ. Жена спрятала зайца за печку, сыръ на балконѣ, вино за дверями и любовника подъ кроватью. Затѣмъ она начинаетъ готовить ужинъ мужу. Мужъ приглашаетъ къ столу прохожаго и проситъ его рассказать сказку. „Проходя полемъ, сказалъ ночлежникъ, я видѣлъ зайца такого большаго, какъ тотъ заяцъ, что лежитъ за печкою, бросилъ въ него такой большой камень, какъ кусокъ сыру на балконѣ. Изъ зайца потекла такая черная кровь, какъ вино за ближайшей дверью, и затѣмъ заяцъ издохъ, причемъ глаза у него сдѣлались такіе, какъ у того, что лежитъ здѣсь подъ кроватью“. Мужъ воспользовался этими указаніями, выгналъ любовника, наказалъ жену и пригласилъ прохожаго раздѣлить съ нимъ то угощеніе, которое было принесено любовникомъ (*Cosquin*, II, 330).

Въ новогреческой пѣснѣ невѣрная жена посредствомъ обмана высылаетъ мужа изъ дома. Мужъ случайно возвратился, нашелъ жену въ объятіяхъ любовника и убилъ его. Многихъ деталей здѣсь недостаетъ. Существуетъ сходный астурийскій романсъ (*Liebrecht*, *Zur Volkskunde*, 187).

Гораздо ближе къ сказкамъ польской, французской и италіанской стоитъ слѣдующая сказка, записанная въ Месопотаміи: Лисица заключила побратимство съ человѣкомъ. Они приходятъ въ одинъ домъ, гдѣ хозяйка только-что вынула изъ печи хлѣбъ. Лисица попросила себѣ кусочекъ хлѣба, но была прогнана. Лисица замѣтила, что женщина намазала масломъ нѣсколько хлѣбовъ и понесла ихъ любовнику. Тогда лисица попросила своего побратима спрятаться въ

ящикъ съ пшеницей. Жена вернулась съ любовникомъ, а когда вошелъ мужъ, то она спрятала и любовника въ тотъ же хлѣбный ящикъ. Любовникъ сталкивается здѣсь съ побратимомъ. Мужъ проситъ хлѣба, и жена даетъ ему кусокъ черстваго хлѣба. Лисица снова проситъ хлѣба, получаетъ отказъ и выдаетъ невѣрную жену мужу. По указанію лисицы мужъ открываетъ хлѣбный закрома и убиваетъ любовника жены и побратима лисицы, потомъ убиваетъ жену, а хлѣбъ съ масломъ ѣстъ вмѣстѣ съ лисицей (*Cosquin*, II, 331).

Въ индійской сказкѣ (изъ Камлона) купчиха влюбляется въ красиваго сипая, покупавшаго въ лавкѣ ея мужа провизію, склоняетъ его на свою сторону и плотить по золотому за каждое его посѣщеніе. Однажды неожиданно вошелъ въ домъ мужъ, сипай завернулся въ циновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ началъ угощать жену апельсинами. Жена, чтобы попотчевать любовника, бросила нѣсколько апельсиновъ въ циновку. Въ другой разъ любовникъ прячется въ корзину. Мужъ потчуетъ жену леденцами, и жена бросаетъ ихъ въ корзину. Любовникъ разболталъ на улицѣ всю эту любовную исторію и смѣялся надъ мужемъ. Мужъ узналъ отъ самого сипая о невѣрности своей жены. Когда онъ замѣтилъ, что сипай вошелъ въ его домъ, то онъ заперъ двери и поджегъ домъ. Невѣрная жена спрятала сипая въ сундукъ и упростила мужа вытащить сундукъ изъ горящаго дома. Бѣднякъ напрасно сжегъ свой домъ и вскорѣ отъ горя сошелъ съ ума (*Минаевъ*, Инд. сказки, № 22).

Эта сказка одними мотивами примыкаетъ къ пѣснѣ о Терентьищѣ, другими къ малорусской сказкѣ: „Якъ чоловікъ у коробку стукавъ“ (у *Манжуры*, с. 96). Къ сказкѣ о Терентіи она подходитъ двумя, тремя мотивами: героиня-купчиха, обманъ мужа, любовникъ скрывается въ циновкѣ, какъ Терентій въ мѣшкѣ. Гораздо ближе къ индійской сказкѣ стоитъ малорусская: жена мужика отдается чумаку, чтобы получить отъ него деньги; она представляется больной и посылаетъ мужа на улицу ходить сторожемъ около дома. Чумакъ потомъ въ церкви то смѣялся, когда вспомнилъ о мужѣ, то плакалъ, когда вспоминалъ, что отдалъ соблазнительницѣ всѣ деньги. Мужъ разспросилъ его и подѣлилъ съ нимъ деньги.

Сводя къ общимъ мотивамъ пѣсню о гостѣ Терентіи и родственныя ей сказки русскія, польскія и др., мы получаемъ:

1) Невѣрная жена — купчиха (новгородская и индійская сказки), шинкарка (польская), пани-боярыня (польская), жена рыбака (итал.), большею же частью крестьянки или безъ обозначенія сословнаго положенія.

2) Невѣрность жены обнаруживаютъ скоморохи (новгор. и смол.), солдатъ (курская), глупый (польск.), прохожій (малор., итал.), заблудившаяся дѣвочка (франц.), лисица (месоп.), самъ любовникъ (инд.).

3) Любовникомъ является просто молодецъ въ красной рубахѣ (новг.), молодой парень (курск.), казакъ (малор.), часто попъ (малор., польск.), солдатъ (инд.).

4) Угощеніе, предлагаемое невѣрной женой любовнику, почти одно и то же во всѣхъ сказкахъ, вино, медъ, сласти; причемъ и прячется это угощеніе отъ мужа почти въ одномъ мѣстѣ—за печкой, въ печкѣ, въ шкафу.

5) Любовникъ прячется на кровати или подъ кроватью (новгор., итал.), въ коморѣ (малор., польск., франц.), въ хлѣбномъ закомѣ (месоп.), въ цинковѣ (инд.).

6) Мужъ или прямо входитъ въ домъ (малор., польск., франц., итал., месоп., инд.) или вносится въ мѣшкѣ или соломенномъ кулѣ (новгор., смол., малор.).

7) Жена посылаетъ мужа за лѣкарствами или докторами (новг., смол., малор.) и даетъ неисполнимыя порученія (смол., малор.).

8) Въ однихъ сказкахъ мужъ наказываетъ только любовника, въ другихъ жену и любовника, въ нѣкоторыхъ обоихъ убиваетъ.

9) Въ пѣсни о гостѣ Терентіи скоморохи получаютъ въ награду 200 руб., въ другихъ одежду любовника; въ третьихъ награда ограничивается угощеніемъ.

Собственныя имена встрѣчаются въ немногихъ сказкахъ о невѣрной женѣ, и въ тѣхъ вариантахъ (новг., малор.), гдѣ они встрѣчаются, не имѣютъ прочнаго положенія, представляются случайными вставками, и потому они не могутъ идти въ счетъ при научномъ разборѣ пѣсни о Терентіи и родственныхъ ей сказокъ.

Сказка о Терентіи выдается по выдержанному стихотворному размѣру. Въ этомъ отношеніи къ ней очень близко подходитъ варіантъ курскій, затѣмъ смоленскій, малорусскіе. Въ западно-европейскихъ варіантахъ не замѣчено стихотворнаго склада. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ складъ этотъ могъ ускользнуть отъ вниманія, при неумѣлой или небрежной передачѣ.

Месопотамскій варіантъ пѣсни-повѣсти о гостѣ Терентіи представляется любопытнымъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ переходная ступень отъ европейскихъ народныхъ сказокъ на мотивъ о гостѣ Терентіи къ обширной повѣствовательной литературѣ о невѣрной женѣ въ Гитопадешѣ, Тутинаме, *Gesta Romanorum*. Въ месопотамскомъ варіантѣ въ хлѣбномъ закомѣ оказывается два человѣка, причемъ мужъ обоихъ убиваетъ, хотя побратимъ лисицы ни въ чемъ повиненъ не былъ. Самое появленіе въ этой сказкѣ побратима не мотивировано. Можно думать, что эпизодъ съ побратимомъ представляетъ искаженіе широко распространеннаго повѣствовательнаго мотива о невѣрной женѣ и двухъ ея любовникахъ (отецъ и сынъ, или мастеръ и его ученикъ).

Въ Гитопадешѣ у одной замужней женщины два любовника, сынъ и отецъ его. У ней былъ сынъ, когда вошелъ отецъ. Она спрятала сына въ хлѣбный амбаръ. Когда пришелъ мужъ, она дала отцу въ руку палку и сказала, чтобы онъ шелъ къ двери съ видомъ разсерженнаго человѣка. Мужъ спрашиваетъ, съ какой стати очутился въ его домѣ злой человѣкъ. Жена говоритъ, что онъ разыскиваетъ бѣжавшаго сына. Этотъ рассказъ повторяется въ Шукасапатти и въ Тутинаме, далѣе въ повѣсти о семи мудрецахъ, въ *Gesta Romanorum*, въ *Disciplina clericalis* Петра Альфонса и въ средневѣковыхъ фавль. Въ „Семи мудрецахъ“ вмѣсто отца и сына являются красильщикъ и его ученикъ. Когда входитъ мужъ, красильщикъ, по совѣту невѣрной жены, гонится съ мечомъ въ рукѣ за ученикомъ. Сходный рассказъ встрѣчается въ Калилѣ и Димнѣ. У Петра Альфонса одинъ любовникъ; мать жены является сводницей. Любовникъ, при видѣ мужа, убѣгаетъ съ мечомъ, и мужу теща объясняетъ, что любовникъ бѣжитъ отъ разбойниковъ. Отраженія и передѣлки этихъ повѣстей находятся въ Декамеронѣ. Къ этому разряду новеллъ

Бенфей относитъ повѣсть „Le clerc qui se cacha derrière un coffre“, гдѣ является одинъ любовникъ, потомъ другой, потомъ мужъ (*Benfey, Rantschatantra, I. § 57*).

Въ сборникахъ новеллъ, циркулировавшихъ въ старое время въ Западной Европѣ и съ XVII вѣка на Руси, встрѣчаются всѣ главные мотивы о невѣрной женѣ, нашедшіе мѣсто въ пѣснѣ о гостѣ Терентіи и въ родственныхъ ей народныхъ сказкахъ. Такъ, въ польскомъ сборникѣ фацецій, переведенномъ на русскій языкъ во второй половинѣ XVII в. (1680 г.) подъ названіемъ „Смѣхотворныя повѣсти“, встрѣчается, между прочимъ, рассказъ „о женѣ и гостѣ“—„о женѣ всадившей гостя въ полбочку“—вариантъ новеллы въ Декамеронѣ, VII, 2 (*Пыпинъ, Очеркъ литер. ист. стар. пов. 276*). Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ“ находится извѣстный уже намъ по французской сказкѣ рассказъ „о нѣкоемъ гостѣ и о птицѣ, глаголемой сорокѣ, и о женѣ“,—о томъ, какъ невѣрная жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненіи, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливость словъ несчастной птицы. Подобная повѣсть находится въ „Тысячѣ и одной ночи“, гдѣ сорока замѣнена только попугаемъ, а также въ исторіи сорока визирей (*Пыпинъ, ib. 258*). Французская сказка, отмѣченная выше, озаглавлена у Коскена „Le corbeau“—воронъ. Въ сказкѣ, записанной въ Месопотаміи, роль сороки играетъ лисица.

Многочисленные лубочныя картинки о невѣрной женѣ не имѣютъ прямой связи съ народными сказками типа пѣсни о гостѣ Терентіи. Онѣ проникли въ Россію изъ Западной Европы, повидимому, позднѣе перехода повѣстей о невѣрной женѣ, и носятъ на себѣ всѣ черты иноземнаго происхожденія. Такова, напримѣръ, картина, какъ мужъ обнимаетъ свою жену, а она за его спиной протягиваетъ руку любовнику. Послѣдній во французскомъ камзолѣ съ изысканной любезностью цѣлуетъ руку (*Ровинскій, Рус. лубоч. карт. I, 364; V, 44, 165*). Несомнѣнное иноземное происхожденіе лубочныхъ картинокъ о невѣрной женѣ говоритъ отчасти въ пользу предположенія объ иноземномъ происхожденіи самихъ повѣстей на эту тему.

Мнѣніе объ индійскомъ (буддійскомъ) происхожденіи евро-

пейскихъ сказокъ о вѣроломствѣ и хитрости женщинъ не ново, и здѣсь оно только приложено нами къ пѣснѣ о Терентіи и родственнымъ ей сказкамъ. Въ 1875 году извѣстный ученый *Gaston Paris* въ интересной брошюрѣ „*Les contes orientaux dans la littérature française du moyen age*“ (рус. пер. г. Шепелевича 1886 г.) высказался по этому поводу такимъ образомъ: „Что касается безчисленныхъ сказокъ, почти всегда забавныхъ, слишкомъ часто грубыхъ, сюжетъ которыхъ — хитрость и вѣроломство женщинъ, онѣ не родились въ средневѣковомъ обществѣ, онѣ происходятъ изъ Индіи и имѣли свой *raison d'être* въ средѣ, которая ихъ произвела. Отчужденіе отъ всего, что возбуждаетъ желаніе и тревожитъ душу, полное самообладаніе, боязнь мірскихъ привязанностей и скорбей — таковъ смыслъ буддійской доктрины. Авторами рассказовъ, составленныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить эту доктрину проникнуть въ сердца, были иноки, очень похожіе на западныхъ, которые старались внушить любовь къ безбрачію, не столько расхваливая мистическую красоту дѣвственности, сколько указывая на безобразіе, пошлость, заботы и опасности брака. Ихъ рассказы были съ удовольствіемъ собраны западными клериками, расположенными смотрѣть почти такъ же на брачную жизнь, и служили здѣсь, какъ и тамъ, къ отвлеченію отъ нея молодыхъ людей. Чтобы понять духъ этихъ сказокъ, нужно помнить, что онѣ были созданы въ странѣ, гдѣ женщины, лишенные свободы, образованія, сознанія собственнаго достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ, преувеличенное уже въ Индіи, могло всегда считаться въ Европѣ крайней карикатурой. Благодаря злобѣ, этимъ несправедливымъ къ женщинамъ сказкамъ повезло у насъ (Франція), и онѣ переходили, обновляясь безпрестанно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наше поколѣніе еще повторяетъ нѣкоторыя, не принимая морали, которую онѣ проповѣдуютъ, а только ради смѣха, такъ какъ онѣ остроумны и пикантны“ (19—20). Въ приложеніи къ пѣснямъ о гостѣ Терентіи и родственнымъ имъ сказкамъ замѣчаніе г. Париса о злобѣ подлежитъ ограниченію, если не полному устраненію. Эти сказки вполне свободны отъ аскетическихъ тенденцій, если таковыя когда-ли-

бо дѣйствительно были въ нихъ, и держатся по комизму положенія дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, какъ вполне подходящее средство увеселенія досужаго слушателя. Какъ широко-распространенное литературное произведеніе, какъ источникъ „Простака“ В. А. Гоголя и „Москаля-чаривныка“ Г. О. Квитки, сказки этого рода составляютъ весьма интересное и, можетъ быть, не бесполезное явленіе въ литературной жизни народа.

Н. О. Сумцовъ.
